

НАЧИНАЯ с прошлого года, когда в журнале сменилась Редакция, магистральная тема журнала оставалась, по существу, неизменной: это различные аспекты взаимодействия религии и современности, понимаемой в широком временном смысле и включающей в себя широкое пространство культурной, социальной и политической жизни обществ. Первый выпуск 2012 года был посвящен месту религии в разных современных культурных контекстах — в рамках концепции *multiple modernities*. Объектом второго номера была динамика соотношения «религиозного» и «секулярного». Третий-четвертый (сдвоенный) номер прошлого года был посвящен пониманию, с помощью анализа религиозных практик, советской версии секуляризации и ее последствий. Наконец, первый выпуск текущего года — № 1, 2013 — показывал переосмысление места религии в эпоху «научной революции», т. е. новые подходы к соотношению религии и модерна у самых истоков последнего.

В рамках этой магистральной идеи мы стремимся к расширению тематического поля. Перед вами второй номер 2013 года, главная тема которого — *различные аспекты современной судебной практики, так или иначе связанной с конфликтами вокруг религии*.

Эта проблематика напрямую связана с предыдущими темами. Речь здесь идет о том, как в начале нынешнего века, в новых условиях десекуляризации — или, по крайней мере, несомненных изменений в значении и функциях религии повсюду в мире — религия становится предметом судебных разбирательств и сопутствующих публичных дебатов.

Плюрализм и верховенство закона — два ключевых принципа современной демократии. Управление многообразием с помощью правовых механизмов приводит к все большей юридикации жизни, и суды становятся не просто частью государственной машины

регулирования и наказания, но и ключевым «механизмом повседневности», и даже зеркалом всех наличных конфликтов и тенденций. Изучая то, как суды принимают решения по поводу конфликтов, связанных с религиозными взглядами или практиками, мы обретаем невероятно богатый материал: о том, как меняется степень и характер религиозного разнообразия в эпоху глобальных смещений и размежеваний; как по-новому тематизируется «светскость» государства; как «религиозная свобода» соотносится с прочими свободами, а «права верующих» — с прочими правами; как фиксируются в законодательстве и в массовом сознании категории конфессионального большинства и меньшинства; как меняется «вес» религиозных смыслов в обществе в целом; в конце концов — что значит «быть религиозным», «верить» и «принадлежать» к религии.

Все эти напряжения и все эти перемены влияют на судебные решения, но есть и обратное влияние: суды, генерируя правовые прецеденты, конструируют общественную реальность и формулируют узловые темы общественных дебатов.

Дополнительная интрига здесь состоит в сравнении: мы видим, что основополагающие демократические принципы могут быть по-разному эффективны и по-разному интерпретируемы. Материалы этого выпуска — по большей части европейские: им посвящены первый и третий разделы. Второй раздел, однако, полностью «российский»; также к российской тематике в порядке сравнения обращается Лев Левинсон в третьем разделе, а интервью с Романом Силантьевым полностью посвящено России. Российская ситуация очевидным образом отличается от европейской (как отличается от европейской и российская правовая система и судебная практика), но мы также видим, что и внутри Европы попытки унификации и выработки стойких рациональных принципов наталкиваются на сопротивление национальных правовых систем и национальных традиций.

Первая статья Джерона Темпермана задает тон и язык всему номеру. Темперман, редактор журнала *Religion and Human Rights*, отслеживает сложнейшие, тонкие правовые споры вокруг границ «религиозной свободы» и свободы выражения (включая свободу антирелигиозной критики), разбирая понятия «экстремальное высказывание» и «язык вражды» (*extreme speech, hate speech*), становящиеся все более значимыми в мировой судебной практике. Темперман ссылается на ключевые инструменты международного права, такие как «Между-

народный пакт о гражданских и политических правах» (ООН) и «Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Совет Европы); при этом он показывает, как суды по-разному используют эти инструменты и как меняется их интерпретация.

Темперман заостряет напряжение между статьями 9 и 10 Европейской конвенции (свобода религий и свобода выражения), а также вводит проблематику «оскорбления религиозных чувств». Эти вопросы становятся центральными для Льва Левинсона в его статье в третьем разделе номера. Оба автора солидарны в критике «антидиффамационного подхода», считая сохранение или введение понятия «оскорбленных чувств» в правовое поле рискованным и неэффективным. Эта критика становится сверхактуальной в России в связи с нынешней законодательной политикой, действующей в прямо противоположном направлении, как то следует из принятого Госдумой закона об «оскорблении религиозных чувств» и его безусловной поддержке Романом Силантьевым, представителем Московского патриархата, в опубликованном ниже интервью. Отметим: на страницах журнала сталкиваются противоположные мнения.

Статья Темпермана, как видно из ее названия, исходит из того, что «плюрализм» является естественным состоянием современных обществ. Для Темпермана первоначальным, базовым субъектом плюрализма является индивид, наделенный свободами; именно эти свободы вступают в конфликт с интересами и ценностями групп (в данном случае — религиозных общин). Джеймс Робертсон в своей статье подробно анализирует широко обсуждаемую сейчас модель «правового плюрализма» — модель, при которой суды, решая тяжбы и конфликты, опирались бы на некоторые нормы общинных правовых систем (например, шариата), но так, чтобы эти нормы не противоречили нормам «универсального» (светского) права.

Темперман много говорит и о практике Европейского суда в Страсбурге, давшей за последние четверть века поистине богатейший материал. Европейскому суду посвящен весь третий раздел — кроме Левинсона, об этом также пишут Марко Вентура, Александр Кырлежев и Паскуале Анниккино.

Вентура, один из главных европейских специалистов по религии и праву, без сомнений — и не боясь оценочного суждения — говорит о «добродетелях» Суда, о том, как, с трудом преодолев

вая сопротивление национальных правительств и консерваторов, Суд стоит на страже строгих принципов просвещенной светскости.

Поэтому Вентура с некоторым беспокойством упоминает о знаменитом «Деле Лаутси» (2009–2011) — тяжбе о правомерности размещения распятий в итальянских школах — как об отступлении от этих высоких принципов Суда. Статьи Кырлежева и Анниккино целиком посвящены разбору этого *cause célèbre*, несомненно, достойного столь пристального внимания, ибо в нем отразился глубокий дискурс о меняющемся соотношении религиозного и светского. Собственно, Кырлежев и рассматривает разбирательство, во всех его подробностях, именно в терминах «постсекулярного» состояния современного европейского общества. Для Анниккино же «Дело Лаутси» — повод понять пределы европейской правовой (и культурной) интеграции, а также выявить «подводные течения», влияющие на принятие судебных решений такого рода.

Статья Темпермана также вводит проблематику «экстремизма», непосредственно разбираемую Александром Верховским во втором разделе номера. Тема ограничений религиозной свободы на основании «антиэкстремистских законов» кажется чисто юридической, но Верховский показывает, что она имеет прямой политический смысл (злоупотребления со стороны государства), а также, как следует из названия статьи, непосредственно связана с новым давлением десекуляризационных процессов. К статье Верховского примыкает текст Инны Зарубиной, критически оценивающей состояние «религиоведческой экспертизы» в тех разбирательствах, где таковая могла бы помочь избежать судебных ошибок.

Композиционно в центре номера — два конкретных «свежих» судебных кейса 2012 года — запрет обрезания в Германии, вызвавший бурю среди мусульманской и еврейской общин и ставший предметом содержательных дебатов в немецком обществе (статья Марианне Хаймбах-Штайнс), и дело о «панк-молебне» российской группы «Pussy Riot» (статья Дмитрия Узланера). В обоих случаях мы видим, как из-за хитросплетений юридической казуистики просвечивают все те же ключевые вопросы религиозной свободы и свободы выражения; звучат очевидные политические обертоны (особенно в российском случае, но, несомненно, и в германском); и еще шире — выявляется про-

блематика типичного для позднего модерна «конфликта интерпретаций» относительно того, какое пространство может быть (должно быть?) выделено в обществе для религиозной идентичности, религиозных чувств и религиозных притязаний на истину.